

63.48(=63)
А-73

ДРЕВНОСТИ
ВОСТОКА

В дар от

Козласова Н. С.

63.48 (=63)

А-73

ДРЕВНОСТИ ВОСТОКА

857293 К/0

*Сборник к 80-летию
профессора Л. Р. КЫЗЛАСОВА*

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

*Москва
2004*

И. Л. Кызласов

МАНИХЕЙСКИЕ МОНАСТЫРИ НА ГОРНОМ АЛТАЕ

В последнюю треть XX в. Леонидом Романовичем Кызласовым совершено одно из крупнейших открытий в отечественном востоковедении. Долговременными археологическими и комплексными историко-этнографическими исследованиями кардинальным образом изменены наши представления не только о социально-экономическом, но и о культурном и духовном состоянии раннесредневекового общества Южной Сибири и Центральной Азии. Доказано былое распространение и многовековое развитие на всех этих землях одной из наиболее книжных и философски наполненных мировых религий того времени — манихейства. Подтверждено создание сибирскими дуалистами астрально-мистических сабейских храмов и организация монастырей (Кызласов Л.Р., 1998; 1999; Кызласов И., 2001а: 244, Е 47). Особую силу манихейской идеологии придавал официальный статус, который она получила сначала в Уйгурском каганате, а затем на долгие столетия — в Древнехакасском государстве.

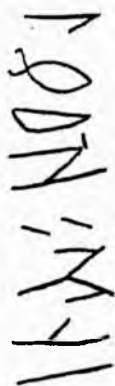
Есть основания для поиска таких монастырей и в долинах Горного Алтая, сохранивших много наскальных манихейских надписей (Кызласов И., 2001а). Однако если в Хакасии монастыри обнаружены благодаря руинам храмовых и иных сопутствующих зданий, то на Алтае подобных архитектурных остатков нет. Трудно надеяться, что они будут найдены — узкие речные долины хорошо обследованы археологами, бугры оваловавших сырцовых построек не могли, пожалуй, остаться незамеченными¹. Видимо, облик монастырских строений здесь был другой, и они не оставили зримых следов. Подтвердить это допущение, опять-таки, способно лишь археологическое обследование тех

¹ Впрочем, опыт Л.Р. Кызласова, отыскившего средневековые города даже на главном современном тракте Хакасии, идущем из Абакана в Аскиз, и прямо на улице одной из ее железнодорожных станций (Ербинской), учит иному.

мест, где монастыри располагались. Определить эти места в наши дни позволяет анализ рунических надписей Алтая. Среди них известны строки, прямо указывающие на существование праведных общин и содержащие их наименования. Большинство же надписей служит при наших поисках только косвенными, но вполне надежными указателями.

Монастырь на Кара-Коле

Надпись Бичикту-Бом I — одна из наиболее кратких граффити одноименной скалы (алт. Бичикту-Боом — «Писанная Скала»), состоящая лишь из восьми знаков². Эти руны, в свое время ясно вырезанные и хорошо сохранившиеся до второй трети XX в., ныне известны

лишь по прорисовке обнаружившего их Б.Х. Кадикова. Можно думать, что давно изданный без обозначения размеров рисунок точно воспроизводит облик и пропорции письменных знаков (Сейдакматов, 1964: 99, рис. 6) (рис. 1). Лаконичный средневековый текст находился в нижней части скальных выходов (рис. 2). При его издании приведены противоречивые сведения о местонахождении: в тексте статьи строка названа второй и средней, а при прочтении и под рисунком она обозначена как крайняя слева и, следовательно, первая (Сейдакматов, 1964: 95, 99). Последнее наименование закрепилось

*Рис. 1. Надпись Бичикту-Бом I.
Прорисовка Б.Х. Кадикова.
По К. Сейдакматову*

в позднейшей литературе. Неоднократные попытки найти надпись на скале, предпринятые в 1980 г. Д.Д. Васильевым, а в 1994, 2001 и 2003 гг. В.А. Кочеевым и мною, оказались безуспешными. Вероятно, памятник письменности был уничтожен в 1970-е гг. при ломке камня строителями.

В литературе отражены две попытки прочтения надписи Бичикту-Бом I. И хотя облик каждого знака совершенно ясен, седьмая руна не была понята К. Сейдакматовым, предложившим следующую транс-

² Историю изучения надписей Бичикту-Бом I-VI см.: (Кызласов И., 2000: 90, 91; 2001 б: 112, 113). В 2001 г. мною была обнаружена надпись VII.

литерацию и перевод: $s^2\eta r^2 : qj^1i$ — «...Хребет. Печаль...»³. Судя по многоточию, не складывающееся прочтение вынудило тюрколога предположить неполную сохранность текста. Э.Р. Тенишев (1966: 264), отказавшись от этого беспочвенного допущения, дал совершенно верную транскрипцию надписи: $se\eta i r : qa\eta a ebi$. Однако и на этот раз перевод граффито не создал понятного текста («хребет, дом в скале») и остался без разъяснений.

*Рис. 2. Скала Бичикту-Бом. Фронт с надписями.
Вид с юго-востока*

По вертикальности строки, направленной снизу вверх, надпись относится к енисейским, но облик седьмой руны b^2 восходит к курсивному орхонскому начертанию и указывает на местный, алтайский вариант енисейской письменности (Кызласов И., 1994: 80, 88, 89, табл. XXIV, 35). Вместе с тем, резчик был знаком с классическими нормами рунического письма и применил словоразделительную отметку-двоеточие (здесь два косых штриха — руна 4), а не обычно заменяющую ее на Алтае букву «a/ä».

³ Ради единообразия транслитерация предшественников мною унифицирована.

Первое слово (seŋiŋ) хорошо известно по другим енисейским наскальным надписям, прежде всего по строкам II, V, VI и VII на тувинской скале Хая-Бажи, где так называется скалистый выступ горы (Кызласов И., 1994: 186, 187, 194). Тот же смысл оно имеет и в иных средневековых памятниках тюркских языков — от «Дивана» Махмуда Кашгарского до «Codex Cumanicus» (ДТС: 495; Гаркавец, 1987: 51). В нашем случае seŋiŋ выступает определением к последующему слову и отделено от него разделительной отметкой (руна 4). Подобную орфографию встречаем и в некоторых иных рунических надписях. Так выведена, например, упоминавшаяся строка Хая-Бажи II: q(a)ra s(e)ŋiŋ : k(e)ŋig — «Кара-Сенгирская переправа», где слово keŋig «переправа» отделено знаком-двоеточием (Кызласов И., 1994: рис. 19).

Последующее слово (руны 5 и 6) следует, вслед за Э.Р. Тенишевым, читать как q(a)j(a), хотя, принимая такое прочтение, приходится допустить орфографическую ошибку писца, опустившего букву для последнего гласного. Пожалуй, такого написания слова мы больше нигде не встречаем.

Третье слово (e)ʋ оформлено аффиксом принадлежности 3 лица единственного числа =i, вся фраза представляет собою изофетную конструкцию. Eʋ может быть прочитано и как ev, поскольку двойное звуковое значение руны 7 отмечено для надписей Алтая (Кызласов И., 2001а: 248, рис. 7). Хотя буквально это слово и означает «дом, жилище», его не следует здесь понимать и переводить таким образом. Благодаря исследованию Ю.А. Зуева (2002: 202, 203, 211—214, 280, 289, 290) становится очевидным, что у тюркоязычных манихеев слово eʋ (ev) наполнилось новым смыслом — «место обитания духовных существей», «религиозная община». Такое значение, вероятно, восходит к понятиям «становище; обитатели становища, семья», также изначально заложенным в слове eʋ (ДТС: 162). Напомню здесь о сходном применении в енисейской эпитафии из Суджи (Е 47, строка 7) слова turuʋ — с первоначальным смыслом «жилище, стоянка» (ДТС: 588) — для обозначения «прибежища» на сто человек, дарованного вероучителю-мару, т.е. манихейского монастыря (Кызласов И., 2001а: 244; Зуев, 2002: 202).

Таким образом, прочтение и перевод надписи Бичикту-Бом I будут следующими: seŋiŋ qaj(a) eʋi — «Обитель Выступающей Скалы».

Благодаря этой краткой надписи науке впервые становится известно имя южносибирской манихейской монастырской общины. Она

была названа по скалистому выступу горы, близ которого располагалась. Судя по особенностям местности, именно этот вдающийся в долину утес мы называем ныне Бичикту-Бом (рис. 3).

Былое почитание этой скалы и существование здесь монастыря выявляют и другие рунические надписи, сохранившиеся по соседству с описанной. Сегодня их известно еще шесть (Бичикту-Бом II—VII). Две из них не могут быть прочитаны: надпись IV представлена только неточным воспроизведением (Кубарев, Маточкин, 1992: рис. 55, 2); а текст VII, обнаруженный мною в 2001 г., начертан все еще не расшифрованным особым южноенисейским письмом. Строки Бичикту-Бом II — молитвенные обращения к Богу, граффито III оставлено миссионером и содержит призывы к человечности (Кызласов И., 2000: 92—97; 2001б). В трудной для разбора строке V (Кызласов Л.Р., 1997: рис. 4) вычленяется слово t(a)ηцц (руны 5—7) «подношение, дар» (ДТС: 533), свидетельствующее о жертвоприношении (ср. обращенную ко Всемогущему (цуан) дарственную надпись на предмете из окрестностей д. Купчегень — Кызласов И., 2000: 97—101). Граффито VI — b(i)t(i)d(i)m «(это) я написал» (Кызласов И., 2001б: 113) — фактически содержит ту же формулу, что и надпись II/1 и принадлежит

Рис. 3. Скала Бичикту-Бом. Общий вид с юго-запада

к характерным манихейским послемолитвенным наскальным отметкам (Кызласов И., 2001а: 245, 248; 2003: 93—95, 100).

Существование манихейской Обители Выступающей Скалы объясняет не только скопление культовых надписей на самой горе, но и в ее окрестностях. К северу от Бичикту-Бом строения одноименной деревни дугой огибает гряда Тёнш, разделенная распадком на две части. Северную половину, протянувшуюся от урочища Жааң-Кобы к речной долине Кара-Кола и нижнему краю села, жители зовут Межелик или Арт. Здесь, в одном километре от скалы Бичикту-Бом (Сенгир-Кая), в 2003 г. мною были изучены еще три рунических надписи (две из них отысканы студентом А. В. Тарбанаевым). На две из этих граффити, расположенные на одном горном гребне, по-видимому, указывает и Д. Д. Васильев (1983: 37), обозначая их как Бичикту-Бом IV и V. Открытые в 1980 г. А. Т. Тыбыковой по указанию местных жителей, эти две надписи до сих пор остаются неизданными. Третья надпись, находящаяся на юго-западной оконечности горы, у самых домов поселка, обнаружена впервые. Поскольку все эти новые надписи находятся на другой скале, их не следует называть Бичикту-Бом. Обозначим их как Межелик I, II и III. Вместе с ними на ближайших окраинах современной деревни Бичикту-Бом оказывается известно уже 10 рунических наскальных надписей.

Полагаю, что существование манихейского монастыря «Обитель Выступающей Скалы», объясняет и другую историческую загадку Кара-Кольской долины. На всем ее протяжении, поднимаясь вверх по течению, в урочище за урочищем открываются наскальные рунические надписи. Благодаря поискам Е. Е. Ямасвой, В. А. Кочесва и О. В. Майчикова ныне здесь уже известны еще пять писаных скал — в местностях Ыстү-Сары-Кобы, Текпенек, Маңырлу-Кобы (дважды) и Чирик-Таш (Кочесв и др., 1998). Вероятно, монастырские праведники расходились по Кара-Колу, создавая пустыни или отшельнические скиты, молились у ближайших скал и оставляли на них краткие надписи.

Исходя из названия монастыря, размещения содержащей его имя надписи и концентрации других манихейских граффити на скале Бичикту-Бом, следует думать, что сама религиозная община располагалась в непосредственной близости от утеса. Место для постоянного обитания здесь очень благоприятное. Недаром дворы современного села приблизились к скале почти вплотную. Деревня занимает единственную возвышающуюся над речной поймой террасу. Именно на ее

прилегающем к скале краю и следует искать следы монастыря Сенгир-Кая (рис. 4). Вероятно, он состоял из войлочных и рубленых многоугольных жилищ-аилов. Деревянными могли быть и его культовые постройки.

Как долго существовала Обитель Выступающей Скалы, бог весть, однако, судя по палеографии наскальных надписей, она возникла не позднее второй половины VIII в. Младшее орхонское письмо, примененное для создания надписи Бичикту-Бом V, с несомненностью указывает на поклонения горе, вершимые уже во времена Уйгурского каганата — последнего государства, употреблявшего на Саяно-Алтае эту руническую письменность. Характерный облик руны t^1 в этой надписи позволяет относить ее ко второй трети VIII в. (Кызласов Л.Р., 1997: 110—112; Кызласов И., 2000: 100, рис. 10). Однако известно, что принятие манихейства древней Уйгурией произошло позднее, в 763 г. Расхождение палеографической и исторической датировок должно объясняться или неточностью первой (что вероятнее, ввиду малой разработанности рунической палеографии), или распространением самой

Рис. 4. Поселок Бичикту-Бом. Вероятное место манихейского монастыря VIII—X вв. Скала с надписями — у поворота дороги

веры Света в Южной Сибири и Центральной Азии еще до ее официального признания.

Форма руны b^2 в енисейских строках Бичикту-Бом I, II/1 и VI служит пережитком орхонской письменной традиции и позволяет относить эти три надписи ко времени сильного влияния енисейского письма на орхонское — ко второй половине VIII — началу IX вв. (Кызласов И., 1994: 88). Однако ныне нельзя полностью исключить, что на Алтае эти особенности сохранялись и несколько дольше, в эпоху вытеснения здесь орхонского алфавита енисейским, наступившую после присоединения земель к Древнехакасскому государству. Так или иначе, но другая наскальная надпись — Бичикту-Бом III — выполнена уже вполне сложившимся алтайским вариантом енисейского письма, т.е. должна быть отнесена к IX—X вв. Очевидно, именно в это время распространяются по Южной Сибири и надписи южноенисейского алфавита (Кызласов И., 1994: 49—51, 217, 218, 289—318), представленного на скале Бичикту-Бом строкою VII (Ю 21).

Палеографическое своеобразие рунических надписей скалы Бичикту-Бом свидетельствует о том, что поклонения горе здесь вершили носители различных письменных традиций — орхонской, енисейской и южноенисейской — и происходило это длительное время. Можно полагать, что манихейский монастырь «Обитель Выступающей Скалы» существовал не менее столетия или полутора — в VIII—X вв.

Монастырь на Чуе

Результаты изучения надписей скалы Бичикту-Бом позволяют понять, что скопления наскальных рунических надписей служат признаком существования в тех местах раннесредневековых манихейских монастырей.

Скала Ялбак-Таш (алт. Јалбак-Таш — «Плоская Скала») в низовьях р. Чуи — крупнейшее такое скопление на территории нашей страны. Из 29 обнаруженных здесь надписей, составляющих 31 строку, прочитана 21 (Кызласов И., 2003), ныне удалось понять еще и 22-ю (Ялбак-Таш XXIV)⁴. Все они так или иначе связаны с манихейским культом и содержат молитвы, отметки поклонения, увещевания греш-

⁴ Публикация прочтения и комментариев планируется в Горно-Алтайске в 12-м выпуске «Древностей Алтая».

ников. Ряд надписей оставлен проповедниками (Ялбак-Таш VII, XI, XIII, XVI, возможно, и XII), есть и строки, обращенные к ним (VIII). Однако для решения нашего вопроса наиболее важна, пожалуй, другая особенность этих кратких наскальных текстов.

Среди граффити Ялбак-Таша выделяются две группы, вырезанные разными людьми, но каждый раз почерки писавших были похожи друг на друга. Так, особенности начертания знаков g и γ , j^2 и j^1 , t^1 и z указывают на то, что авторы шести тесно нанесенных на плоскость I надписей III, IV/VI, V, VIII, X, XII и седьмой строки XIII, обособленно вырезанной неподалеку, обучались письму в одном месте и у одного педагога. Только три надписи, оставленных в этом же месте скалы, не

Рис. 5. Гора Ялбак-Таш. Расположение надписей в верхней части плоскости I. Прорисовка автора

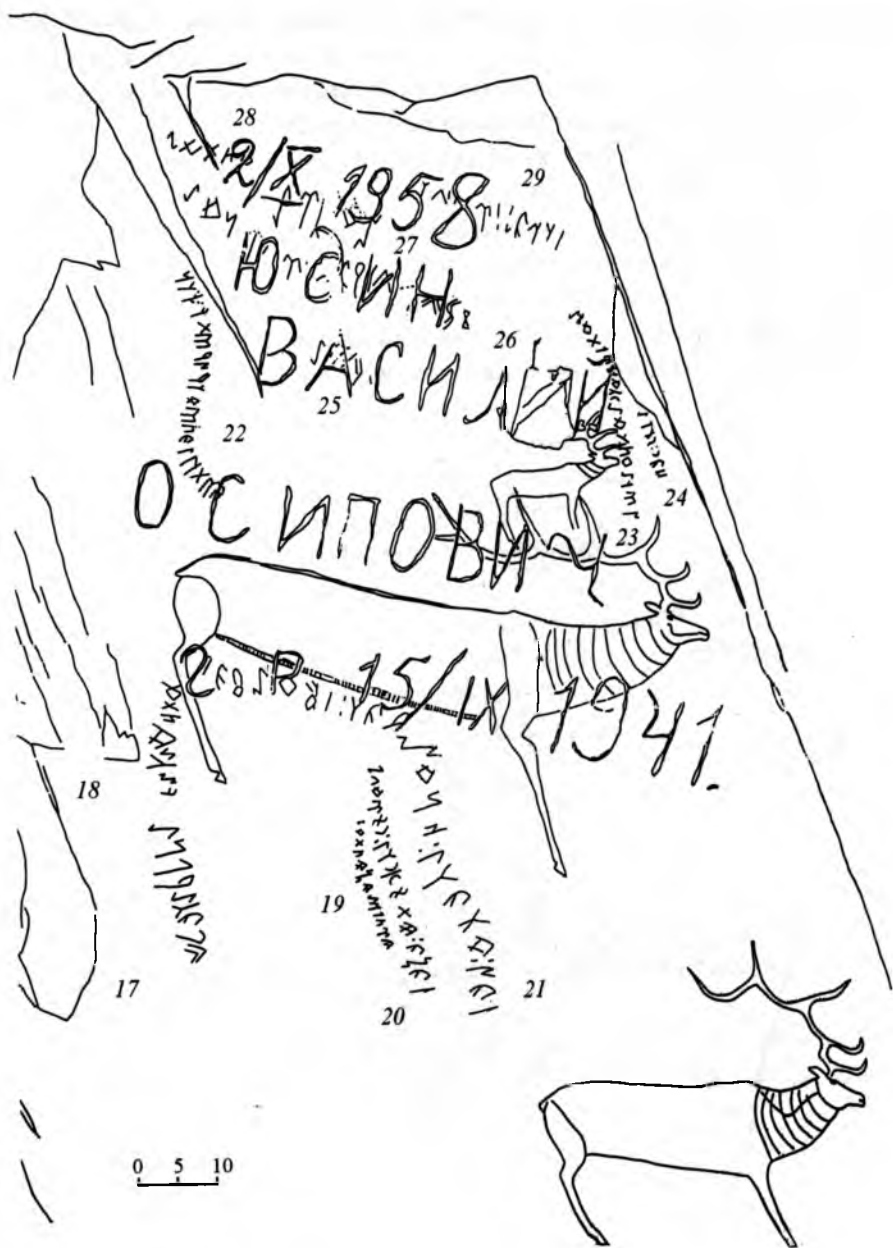

Рис. 6. Гора Ялбак-Таш. Расположение надписей на плоскости III.
 Прорисовка автора

входят в данную группу, возможно, лишь потому, что состоят из слов, не имеющих названных букв (рис. 5). Подобное графическое единство отмечается и для многих знаков четырех надписей XVII, XIX, XX и XXI, расположенных в нижней части иной плоскости III (рис. 6). Авторы этих строк также освоили письмо у одного учителя, но резчиков плоскости I воспитал не он.

Такие сугубо палеографические особенности наиболее естественно объяснить тем, что создатели надписей, поэтапно наносимых на скалу, жили неподалеку и здесь же овладели рунической грамотой. Наличие разных учителей и культовый характер самих надписей указывает на существование у почитаемой скалы Ялбак-Таш манихейской монастырской обители. Прочитанные наскальные строки, в отличие от рун Бичикту-Бома, не донесли до нас имени этого раннесредневекового центра.

К доказательствам его существования следует обязательно добавить и содержание двух надписей Ялбак-Таша. Прочтение первой вошло в общую публикацию памятника (строка V): t(e)g(g)(ā)n (a)t(a)m (e)n(i)η — «Обретенный мой Отец, снизойдите (до меня)!». Понима-

Рис. 7. Западная оконечность горы Ялбак-Таш, содержащая плоскости с надписями. Вид с юга

нию второй (строка XXIV) способствовало новое изучение подлинника летом 2003 г., подтвердившее точность одной из уже изданных прописок (Кызласов И., 2003: рис. 29, 2). С некоторым нарушением орфографии (руна 4) надпись гласит: s(e)çg(â)n¹ : azuq — «Заблудший, отыскивающий (истинный путь) (написал это)». Обе надписи оставлены новообращенными манихеями, при выборе религии Света раскаявшимися в былых заблуждениях и прегрешениях. Нельзя быть полностью уверенным в том, что они стали послушниками местного монастыря, но нет сомнения, что наставники в вере, указавшие им истинный духовный путь, обретались именно здесь. Вновь вспомним седьмую строку на Суджинской стеле (Е 47), свидетельствующую о том, что для постижения религиозных установлений манихейские наставники-мары создавали монастыри и получали под них землю у местной знати (Кызласов И., 2001а: 244).

Определить место расположения обители близ горы Ялбак-Таш помогает соотнесение размещения на ней рунических надписей с

Рис. 8. Излучина р. Чуи к юго-западу от края горы Ялбак-Таш, содержащего надписи. Вероятное место расположения манихейского монастыря. Вид с вершины горы Ялбак-Таш

особенностями ландшафта. Все енисейские строки, как и прочие свидетельства поклонения скале еще предшествующей, доманихейской поры (личные тамговые знаки VIII в. на плоскости I (Кызласов И., 2002), крупные изображения маралов на плоскости III и т.п.), находятся лишь у западной оконечности возвышенности (рис. 7). К западу и юго-западу от нее, в излучине Чуи, лежит и единственный ровный участок речной террасы, пригодный для расположения построек (восточнее скалы прижимались к реке, а выше по течению поверхность холмиста). Разместить обитель в указанном месте было удобно, по моим представлениям, и потому, что здесь существует еще одна нижняя терраса, дающая легкий доступ к воде — на нее ведут три ясно видных спуска, площадка свободна от древних курганов (рис. 8) и лежит несколько в стороне от всковечной проезжей дороги — Чуйского тракта⁵.

Связывая существование манихейского монастыря с эпохой создания на скале Ялбак-Таш рунических надписей, надо сказать, что среди них нет ни орхонских строк, ни граффити с пережитками орхонского письма. Исключая единственную собственно енисейскую надпись (II/XV), все здешние камнеписные тексты выполнены сложившимся алтайским вариантом енисейского письма и с наибольшей вероятностью могут быть отнесены к IX—X вв. Упомянутая классическая енисейская надпись, оставленная пришельцем (подобно тому, как мы наблюдали это среди молитвенных отметок на Кара-Коле), показывает, что в это время слава чуйского монастыря была велика.

Исходя из современных знаний, нельзя думать, что личные геральдические отметки-тамги, оставленные на скальной плоскости I верующими VIII века (Кызласов И., 2002) могут свидетельствовать и о более раннем появлении здесь монашеской обители. Однако вне всякого сомнения, она появилась под издревле почитавшейся горою, превратив давнее место языческого поклонения в новую манихейскую святыню (Кызласов И., 2003: 98, 99).

⁵ Участвовавший в маршрутных работах 2003 г. В.А. Кочев при обсуждении этого вопроса высказался в пользу места современной пастушьей стоянки, располагавшейся дальше от реки и ближе к древней дороге у самого западного подножия горы Ялбак-Таш.

Монастырь на Чарыше

На Горном Алтае до недавнего времени было и третье место скопления рунических надписей — скалистый выступ горы в урочище Кара-Су (алт. Кара-Суу — «Родник») близ современной деревни Мендур-Соккон (алт. Мөндүр-Соккон — «Побитое Градом»). Обнаруженные Б.Х. Кадиковым в 1960 г., надписи так и остались известны только в его эстампажах и прорисовках, т.к. в 70-е гг. были уничтожены при взрывных работах для улучшения местной дороги. Несколько попыток прочтения этих текстов, предпринятые известными тюркологами (Сейдакматов, 1964: 95—101; Баскаков, 1966; Тенишев, 1966: 262—264), не принесли результатов, поскольку копии не легки для восприятия, орфография надписей неправильна, а связь их самих с манихейской религиозной практикой исследователям в те годы не была известна. Между тем, изданные прорисовки позволяют считать, что на скале

Рис. 9. Урочище Кара-Су близ Мендур-Соккона. Мыс горы, содержащий надписи близ полотна дороги. Беседка у места современного поклонения роднику-аржану. Вид с юго-запада

было не три надписи, как полагали предшественники, а 7—8 или более плотно расположенных самостоятельных граффити.

Работа над их прочтением еще не завершена, но даже те отрывки фраз, которые удалось разобрать, убеждают в религиозном назначении надписей. Например, в верхней части так называемой «большой вертикальной надписи» два отдельных начертания определенно содержали личные имена и завершались известной формулой $b(i)t(i)d(i)m$ — «я написал», а третья наиболее длинная строка, выполненная вопреки руническим орфографическим правилам (Кызласов И., 1997), содержит параллелизм $b(i)t(i)g \text{ činī } küg(ü)l t(e)g \dots \text{ činī } küg(ü)l\dots$ — «Истина Писания, возвысья, как будто истина ... возвысья...». В начале «малой вертикальной надписи» читается вполне манихейский призыв: $q(a)ra qıy süz(ü)l$ — «От черных нечистот очистись», с последующим рефреном $süz(ü)l$ «очистись».

Особенно показательна для нашей темы единственная уцелевшая надпись Мендур-Соккон IV — небольшой камень с вертикальным граффито, увезенный Б.Х. Кадиковым в Бийский музей. Изученная в подлиннике надпись содержала лаконичный девиз манихейского миссионера: $(i)s(i)ni k(e)z (e)gs(i)km(ä)s(ä)r$ — «Приободрясь, странствуй, не следует поддаваться (превратностям)» (Кызласов И., 2001б: 117—120, рис. 7). Призыв, приободрясь, странствовать теми же словами выражен и в упоминавшейся выше надписи Бичикту-Бом III.

Присутствие в урочище Кара-Су миссионеров, судя по огрехам правописания, лишь недавно выучивших руническое письмо для обращения в свою веру тюркоязычного населения, также позволяет заключить, что в тех местах на Чарыше существовал манихейский монастырь.

И ландшафт здесь, и форма горы с выступающим в речную пойму скалистым мысом (рис. 9) близки к долине Кара-Кола и скале Бичикту-Бом. Время появления обоих монастырей также, вероятно, общее. Палеографические особенности надписей Мендур-Соккона сохраняют многие черты, восходящие к орхонской письменности (Кызласов И., 1994: табл. XXIV), хотя в целом это надписи енисейского письма и направление их вертикальных строк — снизу вверх. Сочетание этих признаков позволяет относить надписи к уйгурскому времени — второй половине VIII — первой половине IX в.

* * *

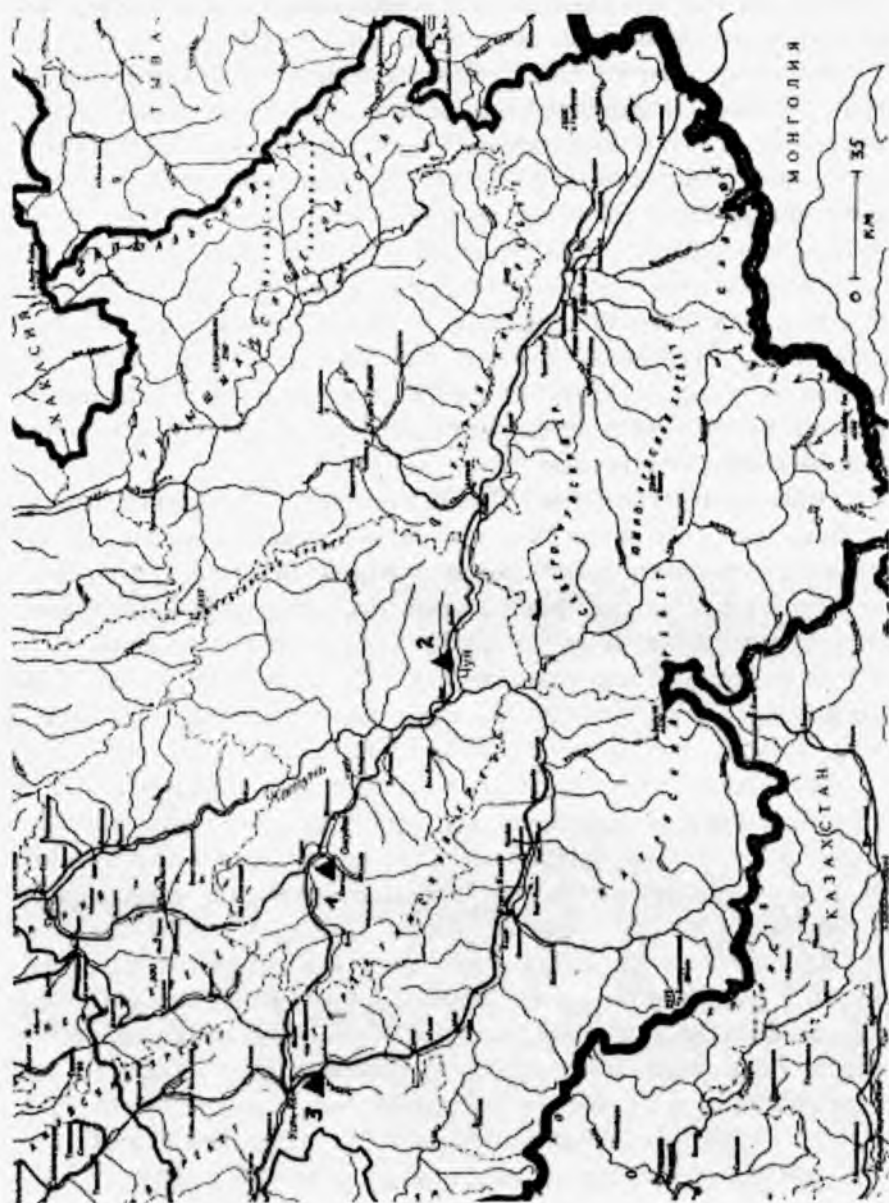

Рис. 10. Расположение манихейских монастырей на Горном Алтае: 1 — у скалы Бичикту-Бом, 2 — у горы Ялбак-Таш, 3 — в урочище Кара-Су

Установив места расположения трех манихейских монастырей Горного Алтая, можно сделать ряд общих наблюдений.

Прежде всего, очевидна глубина проникновения миссионеров в тасжунскую страну (рис. 10). Примечательно и раннее распространение здесь новой мировой религии: судя по палеографии надписей общины праведников появились на Кара-Коле и Чарыше уже в VIII в. Духовные центры оказались живучими и действовали не одно столетие. В них активно осваивалось азиатское руническое письмо. Часть надписей, оставленных в окрестностях манихейских обителей, созданы иностранцами, усвоившими лишь вид местных письменных знаков, но не до конца овладевшими во многом своеобразными нормами рунического правописания. Разнообразие алфавитов, отраженное в надписях на почитавшихся скалах (орхонский, разные варианты енисейского, южноенисейский), говорит о дальних монастырских связях. Откуда бы ни приходили верующие в долины Алтая, манихейские святые оказывались для них общими.

Вместе с тем очевидна принадлежность подавляющего большинства наскальных надписей к алтайскому варианту енисейского письма. Особенно важно, что этот палеографический признак един для всех трех монастырских общин Алтая. Следовательно, все они принадлежали к одной письменной традиции, отличной от классического енисейского письма. Уже приходилось писать, что за подобным членением письменных памятников стоят два образовательных религиозных центра IX—X вв. Следует предполагать, что выявляемая палеографическая картина отразила внутреннее членение южносибирской манихейской церкви послеуйгурской поры на две епархии. Одна из них, разместившаяся к северу от Саян и распространившаяся на Хакаско-Минусинскую и Тувинскую котловины, была связана с классической енисейской письменностью. Другая, надо думать, наследовала уйгурскому манихейскому центру в Северо-Западной Монголии и включила в свой состав Горный Алтай. В ней на почве вытесняемого младшего орхонского письма сложился алтайский вариант енисейской письменности (Кызласов И., 2001б: 119). Именно к этой юго-западной епархии принадлежали, судя по всему, три выявленных ныне алтайских монастыря.

Другая особенность всех трех манихейских монастырей состоит в отсутствии всяких видимых ныне следов построек. Дело не только в том, что братия могла жить в деревянных или войлочных аилах. Необ-

ходимо осознавать иное: в выявляемых горных монастырях, в отличие от городских обитателей, не было монументальных храмов. Для Хакасии такие храмы описаны Абу Дулафом в 942 г. и археологически изучены в Уйбатском и Ербинском духовных центрах VIII—XII вв. (Кызласов Л.Р., 1998; 1999), для заалтайской кимакской столицы на Иртыше они, по свидетельствам IX—X вв., упоминаются Ал-Идриси (XII в.) (Кумекон, 1972: 111). Остается полагать, что в монастырях, существовавших вне городов, деревянными были и культовые постройки, либо церковные обряды вершились в легких строениях, например, в войлочных юртах. Однако для коллективных молебнов, регулярных в манихейских общинах, необходимы были крупные здания или широкие площади. Судя по молитвенным надписям, природные скалы и служили главными святынями трех выявленных манихейских монастырей Алтая.

В долинах Кара-Кола и Чуи горы Бичикту-Бом и Ялбак-Таш были святы задолго до прихода сюда манихейства. Особенность местного культа — поклонение Верховному Богу через обращение к скалистым обнажениям гор — подтверждают разрозненные молитвенные надписи, обнаруженные во многих логах по р. Кара-Колу. Их изучение, возможно, поможет понять, почему избирались именно эти горы. Ныне же ясно, что саяно-алтайские манихеи по большей части следовали завету своего пророка: для почитания истинного Бога не нужен храм. И этим они сохраняли естественность веры многих поколений своих сибирских предков.

Подтвердить и конкретизировать наши наблюдения способна лишь археология Алтая. Перед нею встает ныне задача отыскать и исследовать следы раннесредневековых манихейских обитателей в местах, отмеченных скоплениями рунических культовых надписей.

Литература

Баскаков Н.А., 1966. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // Советская этнография, № 6.

Васильев Д.Д., 1983. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М.

Гаркавец А.Н., 1987. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата.

ДТС — Древнетюркский словарь, 1969. Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.

- Зуев Ю.А.**, 2002. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы.
- Кочесв В.А., Ямасва Е.Е., Майчиков О.В.**, 1998. Новые находки памятников древнетюркской письменности на Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.**, 1992. Пертроглифы Алтая. Новосибирск.
- Кызласов И.Л.**, 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
- Кызласов И.Л.**, 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia, t. L, fasc. 1—3. Budapest.
- Кызласов И.Л.**, 2000. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского Республиканского краеведческого музея // Древности Алтая, 5. Горно-Алтайск.
- Кызласов И.Л.**, 2001 а. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье. (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.
- Кызласов И.Л.**, 2001 б. «Добро сотворив, посеять человечность». (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.
- Кызласов И.Л.**, 2002. Раннесредневековые личные тамги и надписи на скалах Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб.
- Кызласов И.Л.**, 2003. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.
- Кызласов Л.Р.**, 1997. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета, серия 8, история, № 1.
- Кызласов Л.Р.**, 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета, серия 8, история, № 3.
- Кызласов Л.Р.**, 1999. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология, № 2.
- Сейдакматов К.**, 1964. Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе.
- Тенишев Э.Р.**, 1966. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. М.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Дополнение к библиографии профессора Л.Р. Кызласова	9
БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СРЕДНЯЯ АЗИЯ	13
<i>А. В. Седов (Москва)</i> Восточноаравийские монеты в Южной Аравии	15
<i>Б. А. Литвинский (Москва)</i> Бактрийские шкатулки	23
<i>Б. Я. Ставиский (Москва)</i> Открытие согдийской цивилизации IV—IX веков и ее характерные особенности	38
<i>Б. И. Маршак, В. И. Распопова (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии	47
ПРИУРАЛЬЕ, СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	57
<i>В. И. Матющенко (Омск)</i> Исследование Дресвяпского могильника в 1975 году	59
<i>Т. Н. Троицкая, А. Н. Савин (Новосибирск)</i> Литье бронзовых бляшек наборных поясов тюркского времени (по материалам Новосибирского Приобья)	69
<i>Е. П. Казаков (Казань)</i> Кенотафы эпохи Тюркских каганатов в низовьях р. Камы	76
<i>Б. Б. Овчинникова (Екатеринбург)</i> Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг	86
<i>И. Л. Кызласов (Москва)</i> Манихейские монастыри на Горном Алтае	111
<i>В. И. Дьяков (Владивосток)</i> Укрепленные поселения Западного Приморья (Пограничный р-н)	130
<i>О. В. Дьякова (Владивосток)</i> Горные городища Северо-Восточного Приморья	136
<i>Б. Б. Дашибалов (Улан-Удэ)</i> Среднеазиатские торговые фактории в Баргуджин-Токуме	148
<i>Н. А. Мажитов (Уфа)</i> Была ли у башкир своя государственность до XVI века?	158